

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-2.10>

Тулуп Эльзара Рефатовна

ГЕРОИЧЕСКИЙ ТОПОС ШОТЛАНДСКОЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье анализируется "Житие Св. Колумбы" с точки зрения того, как взаимодействуют в нём на уровне его жанровой структуры старая, языческая, и новая, христианская, традиции. Предметом анализа являются шотландский святой Колумба и историко-биографический контекст. "Житие" Св. Колумбы демонстрирует две тенденции одновременно. С одной стороны, агиограф показывает духовный путь своего героя как отказ от традиционной воинственной модели героизма и приход к новой героической модели - духовного миссионерского служения. С другой стороны, "Житие" фокусируется прежде всего на чудесах и откровениях Колумбы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/10-2/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 10(88). Ч. 2. С. 268-272. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10. Лимерова В. А. Тема поэтического самоопределения в стихотворениях И. А. Куратова // И. А. Куратов и проблемы современного финно-угроведения: сборник статей. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2003. С. 76-81.
11. Роцевская Л. П. К. Ф. Жаков о поэте И. А. Куратове // Куратовские чтения: в 6-ти т. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. Т. 6 / отв. ред. А. К. Микушев. С. 81-87.
12. Степанов Н. Л. Образ автора в лирике Пушкина // Степанов Н. Л. Лирика Пушкина: очерки и этюды. М.: Худож. лит., 1974. С. 93-118.
13. Тынянов Ю. Н. Блок // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 118-123.
14. Федорова А. Н. И. А. Куратов. Очерк жизни и творчества. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. 152 с.

“AS IF ‘FALLEN’ FROM THE TOWN”: “I” IN I. KURATOV’S POEM “THE DEATH OF A YOUNG MAN”

Surnina Lidiya Egorovna

*Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktivkar
surninalida@mail.ru*

The article deals with the study of I. Kuratov’s lyric system, which is multi-subject, containing different ways of expressing the author’s consciousness. In the course of the research, it has been revealed that the plurality of consciousness is also present in the poet’s certain poems: the author’s consciousness is expressed not through the position of one subject, but through the combination of subjective positions and their interaction. Such texts include the work by I. Kuratov “The Death of a Young Man”, each part of which reveals a different topic with subjective attachment.

Key words and phrases: Komi lyric poetry of the XIX century; I. Kuratov; subject system; lyric subject; poly-subjectivity.

УДК 82(091):(1-924.22):81'04

Дата поступления рукописи: 16.08.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-2.10>

В статье анализируется «Житие Св. Колумбы» с точки зрения того, как взаимодействуют в нём на уровне его жанровой структуры старая, языческая, и новая, христианская, традиции. Предметом анализа являются шотландский святой Колумба и историко-биографический контекст. «Житие» Св. Колумбы демонстрирует две тенденции одновременно. С одной стороны, агиограф показывает духовный путь своего героя как отказ от традиционной воинственной модели героизма и приход к новой героической модели – духовного миссионерского служения. С другой стороны, «Житие» фокусируется прежде всего на чудесах и откровениях Колумбы.

Ключевые слова и фразы: герой; святой; раннее Средневековье; христианство; язычество; жанр; тип текста; Св. Колумба.

Тулуп Эльзара Рефатовна, к. филол. н.
*Крымский университет культуры, искусств и туризма, г. Симферополь
telzara@yandex.ru*

ГЕРОИЧЕСКИЙ ТОПОС ШОТЛАНДСКОЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В ходе анализа «Жития Св. Колумбы» (“Vita Sancti Columbae”, ок. 692-697) приходилось учитывать некоторые обстоятельства. Во-первых, «Житие» вводится в круг отечественных текстов-источников по зарубежной литературе Средних веков впервые. Во-вторых, рассматривались как сама его жанровая модель, так и возникновение житийного жанра и специфика его функционирования.

Для темы статьи особенно значимы несколько жанрологических положений. 1. Житийный канон кристаллизовался постепенно. 2. Его составляющими становились отдельные принципы текстовой организации и текстовые элементы, почерпнутые из жанров-предшественников. 3. Для жития такими предшественниками стали жанры: 1) документальные (хроники; большие и малые «истории» государств, династий, племён и т.п.); 2) церковные (устные предания, первые молитвы в честь святого, похвальные слова и проповеди и т.д.); 3) фольклорные (легенды о его жизни, смерти и посмертии с акцентом на чудесах, или случавшихся со святым, или совершенных им самим) [11, с. 418-421].

Кем был в жизни первый канонизированный шотландский святой? Каков тот историко-биографический контекст, из которого жизнеописатель Св. Колумбы (St. Columba, 521-597) Св. Адомнан черпал подробности этой жизни?

В самом «Житии» мы почти ничего не узнаём о дошотландском периоде Колумбовой биографии [13, р. 105-108]. Между тем он весьма содержателен. Сын вождя большого ирландского «королевства», наследный принц и в юности ученик бардов, Колумба и в монашестве сочинял церковные песнопения на латыни и на кельтском гэлике. Как и Адомнан, Колумба обучался в нескольких монастырских школах. Будущий

святой, однако, испытал в середине жизни серьезное духовное и душевное потрясение, какого не знал, судя по всему, Адомнан. Верховный «король» ирландских земель, услышав о том, что Колумба, прославившийся ещё и каллиграфическим талантом, красиво переписал одну из церковных книг, затребовал эту книгу себе, притом в оскорбительной форме. Колумба отказался. Тогда король напал на его родича; произошло сражение, по тем временам достаточно крупное, а главное – ожесточенное. Колумбов сородич и несколько сот дружинников были убиты. Тогда настоятель главного ирландского религиозного центра, Банкорского аббатства, вынес Колумбе (к той поре уже самому основателю нескольких монастырей) строгий приговор: тот должен обратиться в христианство столько же язычников далекой Северной Британии, сколько человек погибло в его родной Ирландии. Так Колумба в 42-летнем возрасте стал «Апостолом Каледонии» [Ibidem, p. XXXVII].

Обратимся теперь к биографии его жизнеописателя, Св. Адомнана (St. Ado(a)mnán, 627/8-704) (глава IX) [Ibidem, p. CXXIX-CXII]. Его жизнь была столь же насыщенной, как и жизнь его героя. Он тоже происходил из родовитой ирландской семьи. Отец его был потомком в шестом колене вождя одного из крупнейших кланов Ирландии. Обучение он тоже проходил поочередно в нескольких известных монастырях. Адомнан свободно говорил не только на ирландском гайделике, но и на британском уэльше, блестяще освоил латынь, хорошо знал историю не только своей родины, но и многих континентальных государств Европы той поры, не говоря уже о богословской и церковной подготовленности. Ему судилось также быть близким с «королями» (князьями) как Ирландии, так и британских Пиктавии, Дальриады, Нортумберленда. Он был современником войн между племенами скоттов и пиктов в Северной Шотландии, а также между кельтами и германцами-саксами. Ставши аббатом, Адомнан не раз совершал поездки то в одно, то в другое королевство, договариваясь об обмене (или выкупе из плена) своих соотечественников-ирландцев. К концу своей жизни он (подобно Колумбе) провёл немало лет паломником в различных континентальных странах, вплоть до Италии. Вполне понятно, почему именно Св. Адомнан стал одним из преемников Св. Колумбы и как настоятель его монастыря на о. Айона.

В жанрологическом плане «Житие Св. Колумбы» демонстрирует две тенденции. С одной стороны, агиограф стремится показать Св. Колумбу человеком, проходящим определённый путь внутреннего духовного развития; героем нового типа: отказавшимся от традиционной воинственной модели героизма и пришедшим к новой модели – миссионерского служения. Это вполне соответствует таким разновидностям христианского агиографического канона, как жития воинов, ставших аскетами, или людей власти, подчинивших себя духовной миссии. С другой стороны, «Житие» сосредоточивает внимание читателя в первую очередь на «сверхъестественном»: на чудесах Св. Колумбы и на его откровениях-предвидениях. Почему так? И каким образом эта особенность связана с жанровым и героическим топосом «Жития»?

Пространственно жизнь Св. Колумбы как бы протекает сразу в двух измерениях. Телом он живет на суровом и скудном островке Юго-Запада Шотландии – на острове Айона (Iona, Иона). Духом же он обитает на некоей высоте, откуда видны события, происходящие на расстоянии сотен миль или только готовящиеся произойти.

Столь же двойственным является топос его окружения. Вместе с Колумбой в Шотландию приплыли 12 монахов: его дружина и первая монашеская община. Община постепенно разрастается; это вполне реально происходило в жизни и целиком реалистично отражено в житии. Однако столь же реально рядом с монахами обитают ангелы, являющиеся им во время церковных служб [Ibidem, p. 78-91]. А старый белый конь прощается со святым перед его смертью совершенно по-человечески: положив голову ему на плечо. Конь словно разделяет с Колумбой его дар предвидения и скорбит по нему заранее [Ibidem, p. 94-103].

Композиционно такое двоemiрие героя и его топоса отразилось в самих заголовках глав. На главы «Житие» разбито отчасти самим Св. Адомнаном, отчасти теми, кто продолжал летопись монастыря на о. Айона и дополнял житие рассказами других очевидцев: монахов или мирских паломников.

Большая часть упомянутых глав (Книга II) именуется однотипно: «Чудо Св. Колумбы, совершённое с таким-то». Святой излечивает от переломов костей [Ibidem, p. 155-156], от кровотечений и горба [Ibidem, p. 163-165], возвращает к жизни умирающих, в т.ч. мальчика-пикта [Ibidem, p. 173-174]. Но чудеса Св. Колумбы были и грозными. Он предсказывает или вызывает смерть бесчестных людей, обидчиков невинных [Ibidem, p. 51-55].

В принципе подобное композиционное построение «Жития» также оправдано жанром. Жития христианских святых имели не только меморативную функцию (сохранение памяти о святом), не только функцию документально-информативную (сбор свидетельств, устных и/или письменных, их верификация и компиляция). Важнейшей функцией житий была функция лаудативная (прославление). В большинстве случаев жития составлялись для церковной канонизации святого и использовались прежде всего именно для этой цели. Описание чудес: небесных видений и явлений, исцеления больных, сбывшихся предсказаний, – как раз и служило веским аргументом в пользу такой канонизации.

Однако все эти явные чудеса, с христианской точки зрения, не суть святости, а лишь формы её проявления [1, с. 543]. Не святость детерминирована способностью творить чудеса, а сама эта способность обусловлена святостью.

Иной статус имеет чудо для магического языческого героизма. Этот концепт базируется на признаке эксцессности, экстремальности. А такой признак очень близок к чудесности.

В истории раннего христианства Западной Европы нередки описания того, как языческие вожди, короли и даже языческие жрецы обращаются в христианство, когда видят чудеса, которые им показывает христианский проповедник-миссионер [2, с. 108; 4; 7].

Нечто подобное происходит и в житии Св. Колумбы, и в житии его старшего товарища, Св. Патрика (St. Patrick, ?387-?461) [2, с. 106-108; 8, т. 1, стлб. 957]. Приплывши в Шотландию, они вдвоём отправляются сначала в Инвернесс, резиденцию короля пиктов Бруда (Brude). Показав королю и его главному жрецу Брандану (Brandan) крест, Св. Патрик повергает их в ужас. А продемонстрировав более «сильные» чудеса, чем жрец, Св. Колумба принуждает короля Пиктавии разрешить ему и его спутникам проповедовать христианство на землях пиктов. Более того, Бруд официально отдаёт Колумбе во владение остров Айону. Такое решение короля пиктов значительно укрепило как материальный, так и социальный статус новооснованной обители и обеспечило её монахам на десятилетия (до начала набегов викингов) относительно мирную жизнь. О крещении короля Бруда в «Житии» ничего не говорится. Однако в позднейших схолиях к «Житию» упоминается, что “St. Columba afterwards paid several visits to the king, whose friendship and cooperation continued unchanged till his death” [13, р. XXXVII-XXXVIII].

Сын ирландского короля и воспитанник бардов, Св. Колумба, сын ирландского барда, Св. Патрик, показали, что умеют говорить с язычниками-пиктами на их привычном мифологическом и символическом языке. Оттого эпизод первой встречи с пиктами прочитывается двойко. В глазах Св. Колумбы, Св. Патрика и авторов их житий истинная вера победила здесь лжеверие. Но в глазах короля Бруда и его окружения, скорее всего, более сильная магия победила магию, оказавшуюся менее сильной. Языческий топос пиктов подчинился топосу победителей, постепенно превращаясь в христианский топос монастырей, скитов и аббатств.

Важную роль играет в «Житии» основное место действия – о. Айона (Иона). Место это никак нельзя назвать комфортным. Те же схолии к «Житию» сообщают: “The geographical situation of Iona, fluctivago suspensa salo, demanded a constant supply of nautical appointments, and an acquaintance with navigation”. Нехватка продуктов и опасные проливы были не единственным препятствием. “The names of the little bays on the east coast are indicative of frequent resort to the island: Port-na-Mairtear, Port-Ronain, Port-an-Diseart, Port-na-Frang tell their own history” [Ibidem, р. СХХII]. Действительно, остров опустошали не раз и пираты, и скандинавские викинги, и континентальные язычники. Отчего же Св. Колумба выбрал для своей миссии именно это место? Причин могло быть несколько.

Остров для архаического мышления всегда выступает как малая или большая, но модель «всего света», Вселенной. В кельтской мифологии мы встречаем множество таких островов. Это и Авваллон, остров бессмертия, куда фея Моргана переносит своего брата, тяжело раненного короля Артура [9, с. 300]. Это и острова, которые посещает во время своего плаванья мифогерой Бран: остров смеха, где все приплывшие люди начинают беспричинно смеяться; остров женщин; остров волшебного дерева-часов, на котором пение разных птиц маркирует движение суточного времени, и т.д. Сами боги иномирия и загробья в кельтских мифах (например, Леар-Лир) часто живут или в море, или в далекой неведомой стране, или на острове. В известном смысле для мифомышления это одно и то же: символическое указание на «не наш» мир (нечеловеческий, неземной, мир мёртвых, мир добрых или злых, но волшебных сил). Выбрав для первого христианского монастыря Шотландии дикий остров, а не удобное место на мейнленде, Колумба недвусмысленно даёт понять язычникам-аборигенам, что он и его спутники – существа отмеченные, а значит, герои. Сам будущий святой так, разумеется, не думает. Зато именно так будут думать те, среди кого ему предстоит проповедовать новую веру.

Симптоматично и второе обстоятельство: о. Айона имел второе, древнее название «Остров друидов» [13, р. 312]. Оно также могло быть причиной выбора этого острова и основания на нём монастыря. Используя реконструктивный метод, можно, таким образом, предположить, что в языческие времена остров был местом друидических собраний, советов, ритуалов. Аргументом могут служить аналогичные функции некоторых других шотландских островов, близких к о. Айона и по расположению, и по геофизическим параметрам [14].

Этот символический ореол «священного острова» дополнительно усиливал ореол героической отмеченности и «магичности» Колумбы в глазах язычников-пиктов. С их точки зрения, сам остров как бы «разрешил» пришельцам поселиться на нём и даже сделать его своей главной резиденцией. К моменту прибытия Колумбы на о. Айона имелись и другие священные символы кельтского язычества.

Св. Адомнан упоминает, что Св. Колумба любил предаваться размышлениям или молитве на самом высоком холме острова. Схолии отмечают: “The object which first marks the island in the distance is Dunnii, its highest ground, a round hill, in the northern part, which has an elevation of 330 feet” [13, р. СХХХI]. Кстати, «Дуннии» – это латинизированное множественное число от dun: высокий холм, курган, городище [10, с. 65]. Центральный холм священного острова мог быть местом ритуальных захоронений. А монастырь был основан у подножия именно этого холма. На языке архаического язычества это означало, с одной стороны, связь с «нижним» миром предков, с другой стороны, с центром мира, но также и с «верхним» миром добрых, притом расположенных к герою божественных сил, вступление героя-Колумбы с ними в прямой контакт. Снова подчеркнём: таков взгляд на топос холма не у самого Колумбы.

Другим излюбленным местом для уединения была у Св. Колумбы площадка на краю крутого, скалистого берега [13, р. СХХVIII]. Опять-таки, на языческом символическом коде это значило контакт героя с морем (водою): вторым «нижним» миром космических сил. Отметим, что вождь (прорицатель, король), выходящий на высокий крутой берег реки или моря, – ситуация, которая станет в дальнейшем типичной завязкой для сюжета чудесной встречи как в анонимных, так и в авторских шотландских балладах от XIII-XV вв. и вплоть до XIX в. (баллады «Правдивый Томас», «Вересковый мёд» Р. Л. Стивенсона и др.).

Далее: Св. Колумба с монахами не только расчистили источник воды на острове, но и установили каскадные каменные водоёмы. Для монахов они служили местом крещения паломников и резервуарами для полива огородов. Но пиктам эти водоёмы могли напомнить о местах ритуальных омовений [Ibidem, p. CXXXI]. Подчеркнём ещё раз: восприятие Св. Колумбы и его деяний на о. Айона местным язычеством является результатом последующей реконструкции ученых [14]. «Житие» не объясняет этих действий. Но происходит это не потому, что Св. Адомнан не понимает символического смысла Колумбова «диалога» с топосом острова. Как раз наоборот: и Св. Адомнан, и Св. Колумба, и Св. Патрик прекрасно владеют символическим языком пространства. Однако прочитывают они его по-другому, христианскому символическому словарю.

Ещё Папа Григорий I (ок. 540-604) в посланиях своим миссионерам предостерегал их от разрушения (осквернения или проклятия) священных языческих топосов, как природных (например, почитаемых гор, долин, рек), так и рукотворных (например, колодцев, каменных памятников и святилищ). Он советовал взамен переосвящать их с помощью христианских ритуалов. Таким образом из них изгонялась старая, языческая (по убеждениям христиан, злая, дьявольская) символика. Она преображалась в новую, добрую символику христианскую [5; 6].

С максимальной наглядностью подобное преобразование и пространственная христианизация острова видны в том, как Св. Колумба обошёл с т.н. «кельтскими крестами». Их на острове, согласно схолиям к «Житию», насчитывалось до 360: “In this isle was a great many crosses, to the number of 360” [13, p. CXXXVII]. Кельтские кресты – научный термин для каменных крестов, квадратных в плане, равносторонних в высоту и ширину и лопастных по форме. Обычно в центре таких крестов помещён солярный символ – круг [6]. Сами же кресты представляют собой глубоко архаичный знак «четырёх сторон света», организованных в модель мира вокруг единого солнечного центра [3, с. 71-78]. Число их на о. Айона (360) показывает, что кресты «метили время» годового круга, координируя календарные, аграрные и другие ритуальные «меры» солнечного года.

Св. Колумба не разрушал этих крестов, доставшихся его монастырю от друидического культового топоса. Он оставил их на месте и переосвятил. Снова-таки, в глазах шотландских язычников это значило, что тайная знакопись и культовая практика друидов «позволила» подчинить себя христианскому культу и канону. И снова Св. Адомнан не пишет об этом оттого, что умение читать не только книги, но и символику природы, её топос как книгу (М. Фуко) ещё одинаково свойственно и христианским миссионерам раннего Средневековья, и конвертируемым ими язычникам.

Теперь можно ответить на вопрос: почему раннесредневековое монашество выбирало столь неблагоприятные, казалось бы, топосы для поселения и дальнейших монашеских подвигов? Оно делало это потому, что миссионеры мыслили себя не анахоретами, спасающими лишь собственные души, а бойцами, спасающими других людей и другие народы. Языческие «священные топосы», культовые места (равно как и дикие, безлюдные и бесплодные пространства) были для них не местом отдохновения, а полем духовной битвы [12, с. 41]. Чем трудней было биться на подобном поле, тем выше возрастала «героическая святость» подвижников.

Таким образом, жанровая специфика «Жития Св. Колумбы» прямо сопряжена со спецификой его героики. «Житие», следуя жанровому канону, умалчивает о многих подробностях становления как самого «святого героя», так и его монастыря. Эту лауну закрывают схолии последующих продолжателей «Жития» и комментарии учёных. Вместе с тем для современников и ближайших преемников Св. Колумбы, равно как и для его пиктской аудитории, лаун в «Житии» нет. Текст «Жития» еще окружает живой контекст: предания, устные рассказы и легенды, – а также живой «затекст»: сам топос о. Ионы и его окрестностей, полный символических значений, сначала прочитывавшихся по-язычески, а затем и по-христиански.

Список источников

1. **Аверинцев С. С.** София-Логос: словарь / сост., послесл. К. Сигов. Изд-е 3-е. К.: Дух і літера, 2007. 650 с.
2. **Бахметева А. Н.** История Христианской Церкви. От I-го века до половины XI-го: в 2-х ч. Псков: Изд-е Псковско-Печерского монастыря, 1994. Ч. 2. 276 с.
3. **Любкер Ф.** Реальный словарь классических древностей: в 3-х т. М.: Олма-Пресс, 2001. Т. 1. 576 с.
4. **Мак-Кензи А.** Кельтская Шотландия / пер., науч. ред., вступ. ст. С. В. Иванова. М.: Вече, 2008. 336 с.
5. **Новикова М. А.** А. П. Чехов, «Тарарабумбия»: от кельтских друидов до английского мюзик-холла // Вопросы русской литературы: сб. науч. статей. Симферополь: Кримський Архів, 2011. Вып. 19. С. 178-190.
6. **Новикова М. А.** Коментар // Українські замовляння / упорядн. М. Москаленко. К.: Дніпро, 1993. С. 199-206.
7. **Новикова М. А., Тулуп Э. Р.** Героические мотивы: люди церкви // Культура народов Причерноморья. 2011. Вып. 211. С. 145-149.
8. **Полный православный богословский энциклопедический словарь:** в 2-х т. М.: Концерн «Возрождение», 1992. Т. 1. А-И. 1120 стлб.; Т. 2. К-О. 2464 стлб.
9. **Попова М. К.** Легенда о короле Артуре в культуре елизаветинской Англии // Миф в культуре Возрождения / под ред. Л. М. Брагиной. М.: Наука, 2003. С. 294-300.
10. **Рыбакин А. И.** Словарь английских личных имен: 4000 имен. Изд-е 3-е, испр. М.: Астрель, 2000. 224 с.
11. **Тищенко К.** Етномова історія прадавньої України. К.: Акілон-Плюс, 2008. 480 с.
12. **Широкова Н. С.** Кельтские друиды. Л.: ЛГУ, 1984. 70 с.
13. **Adamnan.** Vita Sancti Columba // The Historians of Scotland. Life of Saint Columba written by Adamnan: in 7 vols. / ed. by R. Willam. Edinburgh: Edmonston and Douglas, 1874. Vol. VI. CXXXVIII+585 p.
14. **Haswell-Smith H.** The Scottish Isles. Edinburgh – N. Y. – Melbourne: Canongate Books, Ltd., 2004. 518 p.

HEROIC TOPOS OF THE EARLY MEDIEVAL SCOTTISH LITERATURE

Tulup El'zara Refatovna, Ph. D. in Philology
Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol
 telzara@yandex.ru

In the article, the author analyzes "Life of Saint Columba" in terms of how the old, pagan, and the new, Christian, traditions interact in this work at the level of its genre structure. The subject of the analysis is the Scottish saint Columba and the historical and biographical context. "Life of Saint Columba" demonstrates two trends simultaneously. On the one hand, the hagiographer shows the spiritual path of his hero as the rejection of the traditional warlike model of heroism and the use of a new heroic model – spiritual missionary work. On the other hand, "Life of Saint Columba" focuses primarily on Columba's miracles and revelations.

Key words and phrases: hero; saint; early Middle Ages; Christianity; paganism; genre; type of text; St. Columba.

УДК 821.521

Дата поступления рукописи: 08.08.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-2.11>

В статье рассматриваются основные образы водной стихии в творчестве известного китайского поэта XX века Хайцзы. В его поэтическом космосе первостихия воды отражает как традиционные истоки художественного мира поэта, так и индивидуально-авторское мировоззрение. Хайцзы раскрывает тесную связь и гармонию между универсумом природы и человеком. Универсалии человеческой жизни и бытия в поэзии Хайцзы оформляются в русле этнопоэтических традиций, что определяется самим языком творчества, и в этом большую роль сыграло использование мифологем, сложившихся в национальной культуре.

Ключевые слова и фразы: китайская литература; современная поэзия; Хайцзы; художественный образ; мифологема; первостихия; водная стихия.

Цыбикова Валентина Владимировна

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
 valentgem@yandex.ru

МИФОЛОГЕМА ВОДЫ В ЛИРИКЕ ХАЙЦЫ (1964-1989 ГГ.)

В китайской поэзии XX века творчество Хайцзы 海子 (1964-1989 гг.) занимает важное место, поскольку является отражением основных тенденций переломного периода в развитии китайского общества и искусства [8, с. 255]. Политика реформ и открытости, проводимая правительством КНР в 1970-х гг., ставила основной целью переход от внутренне ориентированной к внешне ориентированной политике, что способствовало проникновению западной идеологии в «некогда закрытый» Китай и привело к изменениям социокультурной ситуации. Специфика художественного мира и новаторство китайского поэта определяются воплощением архетипической образности и ее трансформацией в контексте процессов глобализации.

В современном литературоведении существует ряд определений понятия «мифологема». Исследователи подчеркивают тесную связь мифологемы с архетипическими представлениями о мире и в самом широком смысле понимают этот термин как «заимствования у мифа мотива, темы или ее части и воспроизведение в более поздних фольклорных и литературных произведениях» [4, с. 224]. В китайской литературе на самых различных этапах ее развития происходит реализация традиционных представлений о мироздании в мифообразах, ставших этнопоэтическими константами. Мифологемы выражают своеобразие духовного мира автора, преломляясь через его жизненный опыт, преображаясь в творческой лаборатории поэта.

В произведениях Хайцзы широко представлена водная стихия. Выявление элементов первостихий также непосредственно выражает генетическое мышление. Как известно, в Китае «основные классификационные матрицы: двоичная (инь-ян), троичная (тянь-жэнь-ди; Небо-Человек-Земля); пятеричная (у син, пять “элементов”), которые имеют не столько субстанциональный, сколько функциональный характер. Эти элементы находятся одновременно в отношении (порядка) взаимного порождения (дерево-огонь-почва-металл-вода) и взаимопреодоления (вода-огонь-металл-дерево-почва)» [3, с. 113].

Одним из самых часто употребляемых иероглифов поэзии Хайцзы является «вода» (水) [9, с. 185]. Псевдоним поэта Хайцзы 海子, а также настоящее имя Хайшэн 海生 несут в себе значение – «сын моря», «рожденный морем», и частое употребление образов водной стихии в творчестве Хайцзы может быть истолковано как в контексте биографии, так и традиционной культуры в целом. Со значением водной стихии связаны такие понятия, как «реки» (河流), «река» (河), «Тихий океан» (太平洋), «речная вода» (河水), «море» (海), «морская вода» (海水). Образ воды, традиционный для китайской поэзии, ассоциировался с женским началом. Пребывающая в вечном движении, она являлась символом женского начала инь. Еще в «поэзии гор и вод» (эпоха Тан) водные образы занимали важное место. Так, в стихотворении Ли Бо образ воды определяет метонимические связи при развитии поэтической темы странствия и возвращения к своему естественному началу: